

Аграрные идеологии фашизма среди альтернатив сельского развития 1920–1930-х годов¹

А.М. НИКУЛИН, кандидат экономических наук. E-mail: harmina@yandex.ru
Центр аграрных исследований, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, директор Чаыновского
исследовательского центра Московской высшей школы социальных
и экономических наук. E-mail: nik@universitas.ru, Москва

Аннотация. Время 1920–1930-х годов для мирового сельского развития ознаменовалось поиском различных путей модернизации сельского хозяйства, связанных с идеологиями демократического европейского аграризма, американского и советского аграрного индустриализма, но также и авторитарного сельского национализма, поддерживаемого в тех странах, где победу одерживали фашисты (нацисты). В данной статье дается краткий обзор особенностей каждой из аграрных альтернатив. Отмечаются основные вехи подъема и упадка левой концепции, развивавшейся и поддерживавшейся организацией советского Крестьянского интернационала. Основное внимание в статье уделяется анализу подъема и экспансии крайне правых аграрных идеологий в фашистской Италии, нацистской Германии и в государстве Маньчжоу-го. Отмечаются общие и особенные черты фашистских аграрных идеологий, сумевших парадоксальным образом в основе своей националистической консервативной политики инкорпорировать элементы демократического кооперативизма, государственного капитализма и даже социалистического коллективизма. Автор делает вывод, что несмотря на кратковременные и относительные успехи в фашистской аграрной политике 1930-х годов вожди фашизма не принесли обещанного процветания и благоденствия крестьянам своих стран. Наоборот, обманув их программами мобилизации национальных ресурсов во благо развития сельской местности, фашистские идеологи фактически перенаправляли плоды этой мобилизации на рост милитаризации национальных экономик с последующим развязыванием мировой войны, в результате которой, в конце концов, крестьянство сполна и пострадало.

Ключевые слова: аграрная идеология; аграрная политика; альтернативы развития; Крестьянский интернационал; фашистская Италия; нацистская Германия; Маньчжоу-го

Борьба аграрных идеологий в 1920-е годы

В различных регионах земного шара 1920-е годы были «золотым веком» альтернатив сельского развития. Крестьянские революции 1910–1920 годов, свершившиеся в странах Восточной Европы, Азии и Латинской Америки, начавшаяся ин-

¹ Статья написана в рамках плановой темы НИР «Агрохолдинги и сельские территории: модели взаимодействия крупного агробизнеса с муниципальной властью и сельскими сообществами».

дустриализация сельского хозяйства, прежде всего в Северной Америке, а с конца 1920-х годов форсированно подстегиваемая советской коллективизацией, стремление европейских аграриев создать особую демократическую идеологию для крестьянских партий – так называемый аграризм Зеленого интернационала, одновременно и рост авторитарно-консервативных сельских настроений и проектов в ряде стран Юго-Восточной Европы, – все это предопределило дух и характер происходивших всемирных аграрных перемен. По словам одного из влиятельнейших российских аграрников-экспертов того времени, мировой аграрный сектор оказался «на великом распутье» [Макаров, 2019].

Пожалуй, именно российские аграрники так называемой организационно-производственной школы в 1920-х годах в некоторых своих работах наиболее глубоко и проницательно определили основные политические и экономические развилки сельскохозяйственной эволюции своего времени [Никулин, 2017]. Например, анализируя некоторые работы А. В. Чаянова, мы можем осознать, как в мире наряду с ростом идеологии крестьянского кооперативизма (прежде всего в демократических странах Европы) также усиливается экспансия идеологий индустриально-государственного коллективизма (в СССР), фермерско-индустриального капитализма (в США) и авторитарного агрокорпоративизма (прежде всего в Италии, Германии, Японии) [Чаянов, 1920, 1921, 1927, 1989].

Каждая из названных идеологий старается теоретически и практически обосновать комплекс мер в аграрной политике, связанных с решением вопросов места крестьян и фермеров в процессах индустриальной модернизации национальных экономик, определить оптимальное соотношение и взаимодействие так называемых «мелких» – крестьянских и фермерских домохозяйств с «крупными» сельскохозяйственными предприятиями; рассчитать степень закрытости и открытости аграрно-индустриальных фритредерства и протекционизма, установить соотношение демократизма (кооперативизма) и авторитаризма (корпоративизма) в управлении аграрными реформами, наконец, выработать меры культурной политики, мобилизующих и интегрирующих сельские миры в экономическое и политическое развитие нации с учетом отстаивания ее стратегических международных интересов.

Особенно драматически в 1920–1930-е годы проявился конфликт между своеобразными авторитарными левыми и правыми альтернативами международного аграрного развития, выработанными с одной стороны, в СССР идеологами Коммунистического и Крестьянского интернационалов, с другой стороны – лидерами националистических партий будущих стран – союзниц Оси – Италии, Германии и Японии.

Крестьянский интернационал: взлет и падение левой аграрной альтернативы

В начале 1920-х годов большевистское руководство и руководство Коминтерна, стремясь переосмыслить дальнейшие перспективы мировой революции, обратили пристальное внимание на возможный революционный потенциал не только российского, но и всемирного крестьянства [Зиновьев, 1922].

Надо отметить, что как большевики-коминтерновцы, так и представители самых разнообразных политических течений Европы в 1920-е годы всячески стремились привлечь на свою сторону крестьян, таким образом разыграв альтернативную «крестьянскую карту» в собственных политических интересах.

Даже российские белоэмигранты-консерваторы сожалели, что в годы Гражданской войны упустили шанс союза с крестьянством в интересах своей победы, но теперь выражали надежду на рост настроений консервативного аграризма в Европе как оплота против экспансии коммунизма [Билимович, 1921].

Впрочем, не столько консервативный, сколько демократический аграризм, оказавшийся чрезвычайно популярным прежде всего в ряде стран Восточной Европы (Болгария, Югославия, Чехословакия, Польша, Прибалтийские государства), но также и во Франции и Швейцарии, в 1920-е годы претендует на формирование третьего – собственного крестьянского – пути развития большинства европейских стран. Именно здесь витают идеологические и организационные идеи создания так называемых Черного, Зеленого крестьянских интернационалов, объединяющих в своих рядах политические интересы европейских аграриев-кооператоров [Кошелева, Матвеев, 1991].

Наконец, примерно в это же время европейский фашизм, в 1920-е годы прежде всего в Италии, а начиная с 1930-х годов в Германии и среди ее сателлитов, также стремится всячески

привлечь на свою сторону крестьян, разрабатывая идеологические доктрины важного значения крестьянства для упрочения победы фашизма [Манн, 2019].

В этих условиях в СССР в 1923 г. создается Международный Крестьянский Совет, или Крестьянский интернационал, главной целью которого является революционизирование крестьянства во всем мире в союзе с рабочими под руководством Коминтерна. Крестьянтерн (идейно и организационно – младший брат Коминтерна) стремился обосновать революционную коммунистическую крестьянскую альтернативу в борьбе с предложенными в это время альтернативами демократического и авторитарного аграризмов [Jackson, 1966].

В первые несколько лет (с 1923 г. по 1928 г.) в Крестьянтерне пытались увлечь идеями грядущей коммунистической революции самые разнообразные крестьянские движения – от Латинской Америки до Дальнего Востока. Представители революционного крестьянства нескольких десятков стран достаточно регулярно в это время встречались в Москве, пытаясь координировать свою пропагандистскую и подпольную работу среди крестьянских организаций земного шара. «Крестьянтерн» регулярно публиковал как собственную политическую агитационную литературу (книги и брошюры) для крестьян на разных иностранных языках, так и выпускал общественно-политический журнал, в котором была представлена аналитика крестьянских революционных движений в разных регионах мира [Домбаль, 1925].

Во второй половине 1920-х годов ушедшего в оппозицию Г.Е. Зиновьева на посту главного идеологического куратора Коминтерна и Крестьянтерна сменил Н.И. Бухарин. Непосредственно организационное руководство Крестьянтерном осуществляли такие видные революционеры, как нарком земледелия РСФСР А.П. Смирнов, а также известные деятели международного коммунистического движения Т. Домбаль (Польша), В. Коларов (Болгария), А. Хевеши (Венгрия), Хо Ши Мин (Вьетнам) и другие. При Крестьянтерне был создан специальный исследовательский аналитический центр – Международный аграрный институт, стремившийся осуществлять разносторонний мониторинг политических и экономических настроений крестьянства и его организаций по всему земному шару.

Однако к концу 1920-х годов деятельность Крестьянтерна пошла на спад, и в 1930-е его существование как-то незаметно завершилось. Причины неудачи Крестьянтерна были связаны как с внутривнутрипартийной борьбой в СССР, в результате которой его главные кураторы Н. И. Бухарин и И. Н. Смирнов были объявлены правыми оппозиционерами, так и с рядом поражений Крестьянтерна от Зеленого интернационала и консервативно-реакционных аграрных партий в борьбе за политическое влияние среди крестьянства Европы и других регионов мира.

Крестьянтерн в большинстве случаев вел среди сельского населения довольно грубую и примитивную идеологическую работу, всячески стремясь убедить недоверчивых крестьян и их местных вожаков в необходимости подчинения крестьянства ряду ортодоксальных аграрных постулатов большевистского марксизма: крестьяне – это лишь верный, но несамостоятельный помощник городского рабочего класса в революционной борьбе против буржуазных и помещичьих правительств, коллективные и крупные формы аграрного производства прогрессивней отсталых семейных крестьянских форм, крестьянству необходимо подчиняться лишь коммунистическим указаниям, исходящим из Москвы, стараясь избегать дружественных контактов и союзов даже с другими революционными или социалистическими движениями (от анархистов до социал-демократов), не разделяющими большевистско-коминтерновских воззрений. Порой Крестьянтерн требовал от крестьян небезопасного для них самих поведения, связанного с организацией сопротивления существующим политическим режимам на местах, без достижения очевидных и скорых выгод в улучшении положения крестьян.

Внутри СССР в 1920-е годы было организовано несколько интернациональных аграрных коммун, колхозов и совхозов, которые должны были стать образцовыми витринами перспектив нового социалистического земледелия для всего мира. Об этих хозяйствах, конечно, также сообщала пресса Крестьянтерна, но к началу 1930-х годов интернациональные агропроекты незаметно и безымянно потонули в разбушевавшемся океане коллективизации.

Наступившая Великая депрессия, а также взлет фашизма в 1930-е годы привели к спаду и дроблению крестьянских

движений по всему миру. А установление колхозного строя в СССР способствовало свертыванию инициатив Москвы, направленных на поиск «передовых» революционных альтернатив среди «отсталых» крестьян.

В конце 1930-х годов многие российские и зарубежные деятели Крестьянтерна и Международного аграрного института (прекратившего свое существование в 1940 г.) подвергаются жестоким сталинским репрессиям. Тем временем параллельно ослаблению интернациональной левой крестьянской альтернативы в странах, где к власти приходили авторитарные националистические режимы, усиливались симпатии к проведению аграрных преобразований, инспирированных воздействием различных фашистских идеологий.

Аграрные идеологии фашистских режимов: общее и особенное

В недавно опубликованной чрезвычайно интересной и содержательной коллективной монографии тринадцати зарубежных ученых-аграрников в фокусе исследования оказалась эволюция аграрной политики в странах с фашистскими политическими режимами, а именно в Италии, Португалии, Венгрии, Германии, Австрии, Испании, Маньчжоу-го и профашистской территории Виши во Франции [Agriculture in the Age..., 2014]. В этом исследовании удалось убедительно обосновать общую компаративистскую структуру базисных свойств, характерных (пусть и в разной степени) фактически для любой фашистской аграрной политики. Эти свойства таковы:

- популяризация дискурса о необходимости защиты и поддержки крестьянства;
- агрессивная протекционистская политика, направленная на достижение национальной продовольственной безопасности;
- активное государственное вмешательство в функционирование аграрных рынков;
- проведение аграрных реформ, не ставящих под сомнение сложившееся право собственности на землю, включая и право земельной олигархии;
- широкое применение идеологии корпоративизма в целях гармонизации социальных отношений между городом и селом;

– введение военной дисциплины и бюрократической иерархии при принятии и выполнении организационных решений в аграрной политике;

– подчинение сельского хозяйства нуждам стратегических секторов экономики, в особенности связанных с войной.

Практическое воплощение этих компаративистских свойств позволяет обнаружить взаимодействие и взаимовлияние идеологических связей в аграрных политиках различных фашистских режимов. Например, лозунг достижения самодостаточности в производстве и потреблении пшеницы, предложенный Муссолини в Италии в 1925 г., активно использовался в Португалии с 1929 г. по 1933 г., и вновь был подхвачен режимом Франко в конце 1930-х по окончании Гражданской войны в Испании. Еще более впечатляющим образом идеологема «кровь и почва», предложенная в начале 1930-х годов министром продовольствия нацистской Германии Р. Дарре как символ воплощенного единства крестьян и земли, лежащего в основании германской государственности, был подхвачен японскими милитаристами во второй половине 1930-х годов для конструирования аграрной идеологии в государстве Маньчжоу-го [Agriculture in the Age., 2014. С. 19–42].

Конечно, степень технологической развитости аграрного сектора и сельских институтов, связанных с размером хозяйств и распределением земли в названных странах, были весьма разнородными. Но, что безусловно объединяло фашистские режимы меж собой, так это стремление провести модернизацию сельского хозяйства, направленную именно против либерального и коммунистического подходов. Суть фашистской модернизационной концепции заключалась в государственном авторитаризме, дирижирующем как технологическими изменениями, так и рыночными правилами. В социальной сфере это означало преобразование объединений крестьянства и земельной аристократии в корпоративные институты, преодолевающие сословные и классовые конфликты в сельской местности, содействующие модернизации сельского хозяйства в интересах прежде всего бюрократической технократии.

Наиболее впечатляющий и глубокий опыт проведения фашистской аграрной модернизации, безусловно, продемонстрировали ключевые представители стран фашизма: Италия, Германия и Япония. Тем более что всем этим странам был присущ

и сильный элемент экспансионистской колониционной аграрной политики, отсутствовавший или ослабленный в других государствах, подпавших под процессы фашизации 1920–1930-х годов.

Аграрная идеология фашистской Италии

Итальянский фашистский режим имел собственные глубокие сельские корни (в том числе потому, что Муссолини и ряд его ключевых соратников были выходцами из сельских районов, в особенности из долины реки По – старинного региона интенсивной агрикультуры). Главным образом в селах рекрутировались фашистские боевики, противостоявшие в политических столкновениях начала 1920-х годов городским движениям итальянских социалистов [Манн, 2019. С. 170].

Начало 1920-х годов было временем серьезных политических и экономических кризисов в Италии: безработица в промышленности, затруднения в аграрном секторе, перенаселенном, но технологически отсталом и неспособном прокормить страну. Наконец, серьезные ограничения в эмиграционном законодательстве США, принятые в это время, поставили барьеры многолетней почти беспрепятственной миграции итальянцев в Америку. В этих условиях итальянский фашизм в аграрной политике, с одной стороны, стремился поддерживать традиционно высокую рождаемость населения, с другой стороны, инициировать важные модернизационные процессы в сельской местности [D’Onofrio, 2017].

Прежде всего в конце 1920-х начале 1930-х годов были проведены территориальная и земельная реформы, направленные на упорядочивание и рационализацию землепользования. В результате этих реформ в сельскохозяйственный оборот было введено 3,2 млн га земли, основано около 150 новых деревень и сельскохозяйственных городков. Однако земли крупных итальянских земельных собственников – олигархов эти реформы оставили почти в неприкосновенности [Савино, 2019].

Как отмечают Ст. Грандо и Дж. Вольпи, особое значение в аграрной политике итальянского фашизма получила активно проводимая с середины 1920-х годов идеологическая кампания «Битва за хлеб», включавшая в себя системные процессы технологической модернизации сельского хозяйства. К числу ее важнейших мер относились:

- перераспределение больших массивов несельскохозяйственной земли в фермерские хозяйства;
- переориентация многих аграрных отраслей на производство зерна, даже если эти отрасли традиционно были лучше приспособлены к выращиванию иных сельскохозяйственных продуктов (что нанесло существенный урон местному традиционному аграрному производству);
- увеличение производительности сельскохозяйственного труда через распространение новых аграрных технологий [Grando, Volpi, 2014. С. 49].

Этот последний пункт был особенно успешно выполнен на экономически развитом севере Италии, где распространение электрификации, механизации и использование химических удобрений дали действительно зримый эффект в модернизации аграрного сектора. Кроме того, были выведены и внедрены в сельскохозяйственную практику новые высокоурожайные сорта местной пшеницы (во многом – благодаря усилиям селекционной станции ведущего итальянского биолога того времени Наццарено Стрампели, вступившего в 1925 г. в фашистскую партию Италии.

Фашистский режим активно вкладывался в развитие сельскохозяйственного знания в университетах и исследовательских центрах Италии, всячески поддерживал развитие национального сельхозмашиностроения, защищая его высокими импортными тарифами. Именно в это время компания «Фиат» становится одним из крупнейших в Европе производителей не только автомобилей, но и тракторов.

В итоге, после шести лет проведения кампании «Битвы за хлеб», удалось повысить обеспеченность Италии собственным зерном с 60 до 95%. В 1931 г. урожайность пшеницы в Италии составила 16 ц/га, в то время как в цитадели высокомеханизированного мирового сельского хозяйства того времени – США – этот показатель находился на уровне 9 ц/га [Faita, 1995].

«Битва за хлеб» сопровождалась социальным конструированием аграрного корпоративизма, стремившегося объединить фермеров, сельскохозяйственных рабочих и землевладельцев в социально-политические союзы на основе общих для аграриев интересов. Например, было создано 22 сельские корпорации (своеобразных профсоюзов) в различных отраслях сельского

хозяйства: полеводство, огородничество, виноградарство, маслоделие, производство сахара, животноводство, рыболовство, лесоводство, текстиль и пр. [Ben-Ghiat, 2001].

Огромное внимание итальянский фашизм уделял пропаганде, всячески поддерживая и развивая мотивы «сельской ностальгии». Сельская местность постоянно воспевалась как пространство сохранения традиционных ценностей в сравнении с обездоленной в нравственном отношении городской жизнью. В этой пропагандистской кампании государство опиралось на поддержку церкви с её идеологией католического рурализма. В 1928 г. Дуче опубликовал специальную статью о взаимодействии города и села, изобиловавшую пассажирами восторженной признательности сельской Италии, наподобие: «Давайте же всё вложим в землю, ибо она тот банк, который никогда не лопнет!», «Больше всего горжусь тем, что я родом из сельской Италии» и т.д. [Grando, Volpi, 2014. С. 56].

В прессе всячески поддерживался дискурс о благотельном воздействии сельской жизни на итальянскую нацию, было сформировано общественное движение «Супердеревня», объединявшее и пропагандировавшее лучший социальный опыт сельских муниципалитетов Италии в развитии трудолюбивого, уютного, честного сельского образа жизни. Активно использовалась применительно к селу и милитаристская риторика. Так, государственная пропаганда прославляла крестьян, как солдат в битве за хлеб, овладевающих рискованными пространствами, одерживающих из года в год очередные зерновые победы и т.п. Ежегодно избирались, прославлялись и награждались лучшие бойцы в «Битве за хлеб». Итальянский кинематограф в своих документальных сюжетах сопрягал зреющие колосья пшеницы с достижениями политики Муссолини, цитируя его знаменитую характеристику образа фермера «с потом на челе, гордостью в труде и поэзией жертвенности» [Grando, Volpi, 2014. С. 58–59].

Модернизация села проводилась и в социальном аспекте. Например, путем объединения подрастающего поколения в школах и университетах в аграрные союзы, создания среди сельских женщин специальных активистских организаций с собственными газетами и радиопередачами.

Однако в аграрных реформах при режиме Муссолини сказались и побочные – неприятные для крестьян эффекты. Например,

несмотря на всю риторику освобождения итальянских крестьян, фашистское государство достаточно бесцеремонно навязывало им ассортимент производимой продукции – прежде всего требуя отдавать приоритет производству зерновых культур – в ущерб местной крестьянской продукции огородничества и садоводства, более выгодной и высокодоходной для крестьян.

Все эти меры действительно привели к определенным успехам в развитии аграрного сектора Италии в целом. Уменьшилась зависимость страны от импорта продовольствия, вырос сельскохозяйственный экспорт. С одной стороны, это позволило с середины 1930-х годов провозгласить курс на автаркизацию национальной экономики, с другой – в это же время Италия усиливает свою колониальную экспансию в Африке. Разрабатываются специальные программы для увеличения числа итальянских сельских колонистов в Ливии, а позже – в Эритрее и Эфиопии. Впрочем, вскоре начавшаяся Вторая мировая война остановила итальянский колониализм в Африке, а затем и покончила с итальянским фашизмом.

Аграрная идеология нацистской Германии

Немецкие национал-социалисты вырабатывали собственную аграрную политику и идеологию, основанную на знаменитом лозунге «Кровь и почва». Нацистское видение так называемого «крестьянского Рейха» парадоксальным образом сочетало традиционные ценности и образ жизни крестьян с амбициозными планами модернизации сельского хозяйства. Сельский дискурс достиг своего апогея в победной предвыборной кампании НСДАП 1933 г. Немецким крестьянам были обещаны стабильные цены и гарантированные рынки сбыта для их продукции [Gerhard, 2014].

Нацисты всячески поддерживали развитие аграрной науки, выделяя ей довольно щедрое финансирование, особенно в таких практически ориентированных отраслях, как семеноводство, животноводство. По остальным направлениям, включая, например, аграрно-экономическое, государственная поддержка была гораздо скромнее, да и выделялась избирательно, руководствуясь принципами идеологического контроля. Невероятный энтузиазм в НСДАП проявлялся к разработке новых и актуальных вопросов сельско-городской экологии [Радкау, 2014. С. 316–322].

Главными идеологами аграрной политики германского фашизма были Рихард Дарре, министр сельского хозяйства и продовольствия, а затем сменивший его на этом посту Герберт Бакке. Первый считался в большей степени романтическим идеологом-визионером, второй слыл эффективным технократом и менеджером. Начиная с 1920-х годов Р. Дарре был ответственным за написание аграрных блоков в нацистских политических программах. Сам он утверждал, что стремится спасти крестьян, их образ жизни от угроз индустриализации и урбанизации [Darre, 1930]. Кроме того, Р. Дарре обосновывал особое видение крестьянства с точки зрения расовой теории нацизма [Darre, 1934]. По его мнению, истинные германцы всегда предпочитали сельскую местность городским кварталам, поэтому оборона и развитие мелких крестьянских хозяйств должны были способствовать «расовой реинтеграции» германского народа. Р. Дарре также мечтал об увеличении роли сельских элит в политической жизни Германии.

При нацистах получили широкое распространение масштабные празднества урожая, проводимые в разных землях. Например, в грандиозном празднестве в Бюкеберге под Хамельном ежегодно участвовали десятки тысяч людей. Кульминацией торжеств становились речи Гитлера и Дарре. По своим масштабам этот праздник превосходил даже знаменитые нацистские парады в Нюрнберге. Впрочем, с началом Второй мировой войны эти аграрные сборища были отменены.

С прагматической точки зрения главной задачей нацистской аграрной политики было обеспечение продовольственной самодостаточности страны, как необходимая ступень к достижению конечной цели – абсолютной автаркизации экономики. В этом смысле нацисты скопировали программу Муссолини «Битва за хлеб» в собственной пропагандистской кампании «Битва за аграрное производство». В Германии были организованы тысячи митингов в сельской местности с призывами к расширению и модернизации крестьянских хозяйств [Herf, 1984].

Нацистские аграрные реформы стартовали в сентябре 1933 г. с учреждением особого Государственного Продовольственного Фонда (Reichsnahrstand, RNS) – общенациональной организации, объединившей в своих рядах всех работников агропромышленного комплекса тогдашней Германии (не только сельскохозяйственных производителей, но и всю логистическую цепь

аграрно-индустриальных и торгово-продовольственных предприятий). RNS включал в себя 6 млн человек, или более 40% всех трудящихся Германии [Туз, 2018. С. 254].

В создании RNS и Р. Дарре, и Г. Бакке видели осуществление своей мечты о нацистском корпоративном «зеленом фронте», в центре которого находились немецкие крестьяне в союзе с остальными социальными стратами, связанными с сельскохозяйственным производством. Организационная структура RNS соответствовала иерархическим принципам вождизма Адольфа Гитлера [Corni, 1990]. На ее вершине находились Р. Дарре и Г. Бакке, отправлявшие из Берлина команды и инструкции 19 земельным Ландесбауернфюрерам, те через 500 окружных Крайсбауернфюреров контролировали армию местных Ортсбауернфюреров, в каждой из 55 тысяч германских деревень. Так осуществлялся тотальный контроль над сельской Германией, где импорт, аграрное производство, цены, – почти все было фиксированным и подвергалось строгой регламентации [Туз, 2018. С. 255]. То есть RNS фактически покончил с рынками свободных агропроизводителей. RNS в своем контроле доходил буквально до каждого крестьянского домохозяйства, тщательно фиксируя его экономику через ведение и заполнение специальных хозяйственных карт (Hofkarte), в которых тщательным образом отслеживалась динамика экономической деятельности крестьянской семьи [Туз, 2018. С. 261]. Это неуклонное усиление тотального контроля над сельской жизнью вызывало недовольство крестьян, так как усложнение сельской бюрократической отчетности сопровождалось требованием увеличения членских крестьянских взносов в RNS, а также способствовало ужесточению государственных мер по крестьянскому налогообложению.

Кроме собственно экономического контроля, RNS занимался сельскохозяйственным образованием и пропагандой, регулированием социальных отношений на селе. Его финансирование осуществлялось за счет взносов каждой немецкой сельскохозяйственной фермы или агропредприятия, что обеспечивало годовой бюджет, превышающий 1 млрд рейхсмарок и позволяло содержать в аппарате организации около 20 тысяч служащих. Мощь RNS, даже по меркам могущества всей нацистской экономики, была впечатляющей: он контролировал более 25% всего германского ВВП.

Несмотря на масштабные организационно-экономические преобразования сельской жизни Германии, нацистский режим особо не вмешивался в структуру земельной собственности страны. Гитлер еще в 1928 г. в одном из своих выступлений отметил, что вникать в вопросы перераспределения земельной собственности в партийных программах особо любят «всякие еврейские спекулянты». Хотя нацисты всячески подчеркивали, что считают миры малых экономик крестьянских домохозяйств самыми устойчивыми, эффективными и в нравственном отношении наиболее совершенными, тем не менее они особо не подвергали критике и экономику крупных юнкерских поместий на Востоке Германии.

Тем не менее под руководством Р. Дарре в стране был установлен диапазон считавшихся оптимальными размеров земельных наделов, которые могли передаваться по наследству (так называемых *Erbhof*) – от 7,5 га до 125 га. Крестьянские фермы, укладывающиеся в эти пределы, объявлялись находящимися под особой опекой и покровительством министерства сельского хозяйства, им предоставлялись некоторые гарантии облегченного налогового режима и защиты от слепой стихии свободного рынка. В категорию *Erbhof* вошли около 700 тыс. германских ферм, что составляло 22% сельского населения Германии и 37% сельскохозяйственных и лесных угодий [Evans, 2006. С. 422].

Нацисты помнили о кошмаре продовольственного снабжения своей страны в Первой мировой войне и, готовясь к грядущим сражениям, не хотели повторять ошибок прошлого. Поэтому с 1933 г. по 1938 г. неуклонно возрастали инвестиции в сельское хозяйство. В целом аграрное производство с 1927 г. по 1936 г. увеличилось на 28%, а к началу Второй мировой войны Германия достигла самодостаточности в производстве таких важнейших пищевых продуктов, как хлеб, картофель, сахар и мясо. Остальную часть сельскохозяйственных продуктов все же приходилось импортировать, и порой в значительных количествах, например, яйца и фуражный корм для лошадей [Туз, 2018. С. 254].

Нацистская пропаганда неустанно обращалась к крестьянству Германии с призывами проявить патриотическую сознательность и напрячь все силы в обеспечении страны продовольствием (особенно накануне начала военных действий). В награду крестьянам была обещана новая эра «крестьянского Рейха» по окончании войны. Там грезились массивованные инвестиции в аграрный

сектор, который будет значительно расширен за счет новых земель на Востоке. Нацистские агрономы рассчитали, что к имеющемуся у Третьего Рейха 34 млн га необходимо было бы добавить еще как минимум 7–8 млн га пахотных земель на завоевываемых территориях для достижения полной продовольственной самодостаточности – автаркии.

В реальности начавшейся войны правительство стремилось поддерживать низкие цены на продовольствие для успокоения населения Германии в целом, но в ущерб агропроизводителям, тем временем сворачивалось немецкое аграрное машиностроение из-за нехватки стали и угля, а также его перепрофилирования на выполнение оборонных заказов. Из сельской местности увеличивался исход мужского населения, мобилизуемого на фронты Второй мировой войны, все чаще плодородные сельскохозяйственные земли отводились под строительство военных объектов (аэродромов, дорог, лагерей).

Особая аграрная политика разрабатывалась для оккупированных территорий. Так, в плане «Барбаросса» предполагалась, кроме прочего, эксплуатация аграрных ресурсов СССР. Аграрную часть продовольственного обеспечения плана «Барбароссы» разрабатывал все тот же Герберт Бакке, который еще в 1920-е годы защитил диссертацию, посвященную аграрным проблемам советской России. По планам Бакке, вторгнувшись в СССР, многомиллионная германская армия переходила на продовольственное самообеспечение. Для советского населения на оккупированных территориях Бакке разработал так называемый «План голода» (Hungerplan), предполагавший значительное сокращение численности «едоков» в крупных городах из-за болезней, холода и голода. В 1942 г., когда Германия впервые столкнулась с серьезными продовольственными проблемами, Бакке и Гимлер выработали особую систему мер на оккупированных сельских территориях СССР и Польши, осуществляя широкомасштабную политику геноцида [Gerhard, 2014. С. 150–151].

Аграрная идеология Маньчжоу-го

Весьма оригинальный вариант фашистской аграрной идеологии являет нам история сельского развития Маньчжоу-го – японского марионеточного государства (1932–1945). Маньчжурия, ныне входящая в состав нескольких северных провинций

Китая, в 1910-е годы попала под контроль Японии, которая стала систематически преобразовывать ее в колониальное владение с формальными признаками собственной маньчжурской государственности. Для бедной природными ресурсами Японии чрезвычайно важно было иметь у себя под боком обширную страну, богатую углём и железом, лесом и плодородными землями. Японским правительством в 1930-е годы были разработаны амбициозные планы индустриального и сельского развития Маньчжурии [Havens, 1974].

В части сельского хозяйства японцами разрабатывалась здесь некая аграрная утопия, симбиотически соединявшая в себе идеи синтоизма, аграризма и фашизма. С точки зрения своих практических интересов японцы стремились уменьшить аграрное перенаселение метрополии за счёт организованного переселения в Маньчжурию японских крестьян. В то время средний земельный надел одного крестьянского хозяйства в Японии составлял от 1 до 2 га, что, безусловно, препятствовало рационализации и прогрессу национального земледелия. Японское правительство разработало программу, в рамках которой до половины японских крестьян должны были отправиться на сельскохозяйственное освоение Маньчжурии, за счет чего оставшиеся односельчане могли бы почти в два раза увеличить свои наделы. В то же время прибывшие в Маньчжурию колонисты должны были увеличить долю японцев в структуре населения многонациональной колонии, где проживали китайцы, маньчжуры, корейцы, русские и представители множества малых народностей. До 1941 г. таким образом из Японии в Маньчжурию прибыло 300 тыс. японских крестьян, а всего в рамках 20-летней государственной программы, начиная с 1936 г. сюда планировалось переселить 5 млн человек [Fujiwara, 2014].

Сельское расселение и развитие Маньчжурии преследовало три стратегические цели: во-первых, создать барьер против распространения идей коммунизма со стороны Советского Союза; во-вторых, добиться самообеспечения продовольствием внутри японской колониальной империи; в-третьих, преодолеть последствия сильного и затяжного сельскохозяйственного кризиса, проявившегося во время Великой депрессии в самой Японии [Mori, 2003. С. 182].

Правительственные пропагандисты посещали деревни Японии, вербуя крестьян на освоение маньчжурской целины, где обещали переселенцам выделить землю почти в неограниченных количествах. В газетных и журнальных очерках и статьях, даже в художественных произведениях описывались трогательные истории счастья и процветания японских переселенцев в Маньчжурии. При этом подчеркивалось, что аграрное государство Маньчжоу-го являет собой образец мирного сопроцветающего симбиоза различных азиатских наций – китайцев, маньчжуров, корейцев, – конечно, под эгидой японцев. Этот симбиоз будет «третьим путем» между капитализмом и коммунизмом [Young, 1998]. На самом деле маньчжурский «третий путь» для японских крестьян оказывался не таким уж и безоблачным. Маньчжурия – край достаточно суровый, относящийся к зоне рискованного в природном отношении земледелия. Поднимать маньчжурскую целину оказалось для японских крестьян делом непривычным и неизведанным. Кроме того, Маньчжурия еще не совсем оправилась от последствий длительной Гражданской войны, периодически вспыхивавшей на ее территории на протяжении первой трети XX века. Пережитки местного, как правило, антияпонского бандитизма неподвижно осложняли мирное обустройство японских селян в Маньчжурии.

В целом концепция маньчжурского «третьего пути» часто увязывалась с образцами организационных и идеологических мероприятий, которые осуществлялись в нацистской Германии. Впрочем, японцы к копированию аграрных преобразований нацистов подходили творчески избирательно. Если нацисты ставили евреев и цветные расы вне закона, в том числе – аграрного, то законодательство Маньчжоу-го предоставляло право заниматься сельским хозяйством и другим нациям, хотя японцы пользовались определенным приоритетом. Если в немецкой аграрной политике на специальную законодательную и экономическую поддержку могли рассчитывать хозяйства размером от 7,5 до 125 га, то в японской оптимальные размеры земельных наделов не оговаривались, а маньчжурские переселенцы, как правило, получали стандартный участок в 10 га. Интересно, что в аграрных законодательствах обеих стран был заявлен приоритет мужчины – главы семейного крестьянского хозяйства, в сравнении с которым остальные члены семьи имели гораздо

меньше прав. Таким образом, основой обоих аграрных режимов был патриархат [Fujinara, 2014. С. 228–229].

И нацистский, и маньчжурский аграрные режимы стремились поддержать и развить своеобразные солидарность и коллективизм сельских сообществ, но если нацисты реализовывали эти идеи через распространение бюрократического корпоративизма в германской деревне, то японские милитаристы стремились обнаружить корни нового сельского маньчжурского коллективизма в идеях традиционного японского фамилианизма, где сельское сообщество должно представлять собой единую и дружную семью, основанную на патриархальном управлении [Waswo, Yoshiaki, 2003].

Наконец, оба аграрных режима очень ревностно относились к продаже и покупке земельных наделов, стараясь не допустить в этой сфере рыночных отношений, которые, по их мнению, часто ведут к спекулятивным концентрации или дроблению семейных наделов и таким образом подрывают устойчивость экономики крестьянских домохозяйств и сообществ.

В итоге аграрный колониальный инжиниринг в Маньчжоу-го завершился в 1945 г. провалом, аналогичным колониальным фиаско итальянских фашистов и германских нацистов. Японских крестьян в Маньчжурии в 1945 г. постигла катастрофа.

Заключение

Подводя итоги краткому обзору трех национальных идеологий аграрных реформ, необходимо отметить, что на первоначальном этапе их осуществления руководителям Италии, Германии и Японии удавалось достаточно успешно и последовательно вовлекать сельское население в свои амбициозные планы сельского развития. Конечно, здесь отчасти сказывалась и долговременная историко-культурная традиция консервативной сельско-городской модернизации, присущей этим странам [Мур, 2016]. Кроме того, определенная причина успехов фашистских аграрных идеологий заключалась в их неафишируемой способности продвигать собственные консервативно-националистические сельские ценности и институты в сочетании с ловким инкорпорированием в них некоторых избирательных политэкономических и технико-культурных достижений из других аграрных межвоенных идеологий – американского рыночного технократизма, европейского кооперативного аграризма и даже советского коллективистского этатизма.

В целом странное сочетание ценностей традиционного крестьянского мировоззрения с социальным инжинирингом технико-бюрократического аграризма в странах Оси способствовало определенным успехам сельской модернизации, о чем свидетельствуют и цифры роста показателей аграрных экономик Италии, Германии, японской Маньчжурии 1930-х годов.

Следует признать, что сельское население этих стран в целом позитивно встречало проводимые аграрные реформы, веря, что наконец-то государство, управляемое твердой рукой в интересах земледельцев, устанавливает более справедливый и гарантированный порядок для крестьян. Другое дело, что пропагандируемый фашистами крестьянский аграризм никогда не являлся целью, но лишь средством упрочения фашистской власти, рвущейся в своих милитаристских планах к мировому господству [Kallis, 2003].

В результате на последующих стадиях эволюции фашистских режимов, инициировавших всемирные военные конфликты, часто именно сельское население оказывалось в эпицентре жертв и катастроф, связанных с гибелью фашизма.

Литература/References

Билимович А.Д. Собственность и крестьянское движение // Русская мысль. 1921. Кн. 3–4. С. 112–120.

Bilimovich, A.D. (1921). Property and the Peasant Movement. *Russian Thought*. Book 3–4. Pp. 112–120. (In Russ.).

Домбаль Т. 1923–1925. Два года существования Крестьянтерна // Крестьянский интернационал. 1925. № 10. С. 3–10.

Dombal, T. (1925). 1923–1925. Two Years of the Krestintern. *Peasant International*. No. 10. Pp. 3–10. (In Russ.).

Зиновьев Г.Е. Коммунистический интернационал за работой. М. Пг., 1922. Zinoviev, G.E. (1922). *The Communist International at Work*. Moscow – Petrograd. (In Russ.).

Косишлева Г.В., Матвеев Г.Ф. «Третий путь»? Идеология аграризма в Чехословакии и Польше в межвоенный период. М., 1991.

Kosheleva, G.V., Matveev, G.F. (1991). *The Third Way? The Ideology of Agrarianism in Czechoslovakia and Poland in the Interwar Period*. Moscow. (In Russ.).

Макаров Н.П. На великом распутье. Опыт сравнительного анализа эволюции сельского хозяйства Китая, Соединенных Штатов Северной Америки, СССР, Западной Европы // Крестьяноведение. 2019. Т. 4. № 1. С. 6–21.

Makarov, N.P. (2019). At the Great Crossroads. The Comparative Analysis of the Evolution of Agriculture in China, the United States of North America, the USSR, and Western Europe. *Krestyanovedenie*. Vol. 4. No. 1. Pp. 6–21. (In Russ.).

Манн М. Фашисты. Социология фашистских движений. М.: «Пятый Рим». 2019.

Mann, M. (2019). *Fascists. Sociology of Fascist Movements*. Moscow. Publishing house "Fifth Rome."

Мур Б. Социальные истоки диктатуры и демократии. Роль помещика и крестьянина в создании современного мира. М.: Высшая школа экономики, 2016.

Moore, B. (2016). *The Social Origins of Dictatorship and Democracy. The Role of the Landlord and Peasant in the Creation of the Modern World*. Mjscow. Higher School of Economics.

Никулин А.М. Международная регионалистика А.В. Чаянова (к 80-летию гибели ученого) // Экономическая политика. 2017. Т. 12. № 5. С. 150–177.

Nikulin, A.M. (2017). A.V. Chayanov's International Regionalistics (On the 80th Anniversary of the Death of the Scientist). *Economic Policy*. Vol. 12. No. 5. Pp. 150–177. (In Russ.)

Радкау Й. Природа и власть. Всемирная история окружающей среды. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.

Radkau, J. (2014). *Nature and Power. World History of the Environment*. Moscow. Higher School of Economics.

Савино Дж. «Земельный голод» итальянского крестьянства: от объединения страны до аграрной реформы // Крестьяноведение. 2019. Т. 4. № 2. С. 108–127.

Savino G. (2019). «Land hunger» of the Italian peasantry: From the unification of the country to the agrarian reform. *Krestyanovedenie*. Vol. 4. No. 2. Pp.108–12. (In Russ.)

Туз А. Цена разрушения. Создание и гибель нацистской экономики. М.: Издательство Института Гайдара, 2018.

Tooze, A. (2018). *The Wages of Destruction. The creation and death of the Nazi economy*. Moscow. Publishing house of the Gaidar Institute.

Чаянов А.В. Государственный коллективизм и крестьянская кооперация // Кооператив. жизнь. 1920. № 1–2. С. 6–12.

Chayanov, A.V. (1920). State Collectivism and Peasant Cooperation. *Кооперативная жизнь*. No. 1–2. Pp. 6–12. (In Russ.)

Чаянов А.В. Опыты изучения изолированного государства // Тр. Высш. семинария с.-х. экономии и политики. М., 1921. Вып. 1. С. 1–36.

Chayanov A.V. (1921). The Experience of Studying an Isolated State. Proceedings of the Higher Seminary of Agricultural Economy and Politics. Moscow. Vol. 1. Pp. 1–36. (In Russ.)

Чаянов А.В. Письмо В.М. Молотову. 6 октября 1927 года // Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 210–220.

Chayanov, A.V. (1989). Letter from A.V. Chayanov to V.M. Molotov on the Current State of Agriculture in the USSR compared with its Pre-War State and the Situation in Agriculture of Capitalist Countries (October 6, 1927). Proceedings of the Central Committee of the CPSU. No.6. Pp. 210–220. (In Russ.)

Чаянов А.В. Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии // С предисл. Орловского П. (Воровского В.). М.: Гос. изд-во, 1919. Ч. 1. XIV. 61 с.

Chayanov, A. (1919). *The Journey of My Brother Alexei to the Land of Peasant Utopia*. Moscow. Gos. Izdatelstvo. Pp. 161–208. (In Russ.)

Agriculture in the Age of Fascism. (2014): *Authoritarian Technocracy and Rural Modernisation, 1922–1945*. Turnhout, Belgium: Brepols Publishers.

Ben-Ghiat, R. (2001). *Fascist Modernities. Italy 1922–1945*. Berkeley, University of California Press.

Corni, G. (1990). *Hitler and the Peasants: Agrarian Policy of the Third Reich, 1930–1939*. New York. Berg.

D’Onofrio, F. (2017). The Microfoundations of Italian Agrarianism: Italian Agricultural Economists and Fascism. *Agricultural History*. Vol. 91. No. 3: 369–396.

Darre, R.W. (1930). *Neuadel aus Blut und Boden*. Munchen, J.F. Lehmann Verlag.

Darre, R.W. (1934). *Das Bauertum als Lebensquell der nordischen Rasse*. Munchen, Lechman.

Evans, R. (2006). *The Third Reich in Power*. NY. Penguin Book.

Faita, P.A. (1995). *La politica agraria del fascismo: i rapporti fra le classi rurali, le scelte produttive*. Chivasso, IRRSAE Piemonte Progetto Storia.

Fujinara, T. (2014). Erbhofgesetz in Manchuko: Case Study of the Acceptance of Nazi Agricultural Ideology by the Japanese Empire. In: *Agriculture in the Age of Fascism: Authoritarian Technocracy and Rural Modernisation, 1922–1945*. Turnhout, Belgium: Brepols Publishers: 219–238.

Gerhard, G. (2014). The Modernisation Dilemma: Agrarian Policies in Nazi Germany. In: *Agriculture in the Age of Fascism: Authoritarian Technocracy and Rural Modernisation, 1922–1945*. Turnhout, Belgium: Brepols Publishers: 139–158.

Grando, S., Volpi, G. (2014). Bacwardness, Modernisation, Propaganda. Agrarian Policies and Rural Representation in the Italian Fascist Regime. In: *Agriculture in the Age of Fascism: Authoritarian Technocracy and Rural Modernisation, 1922–1945*. Turnhout, Belgium: Brepols Publishers: 43–84.

Griffin, R. (2007). *Modernism and Fascism: The Sense of a Beginning under Mussolini and Hitler*. Basingstoke, Palgrave.

Havens, T. (1974). *Farm and Nation in modern Japan: agrarian nationalism, 1870–1940*. Princeton, Princeton University Press.

Herr, J. (1984). Reactionary Modernism. Technology, Culture, and Politics in Weimar and the Third Reich, Cambridge, Cambridge U.P.

Jackson G. (1966). *Comintern and Peasant in East Europe (1919–1930)*. New York: Columbia University Press.

Kallis, A. (2003). ‘To Expand or not to Expand? Territory, Generic Fascism and the Quest for the “Ideals Fatherland”’. *Journal of Contemporary History*. Vol 38(2): 237–260.

Mori T. (2003) Colonies and Countryside in Wartime Japan. In: *Farmers and village life in Twentieth Century Japan*. London, Routledge: 175–198.

Waswo, A., Yoshiaki, N. (2003). *Farmers and village life in twentieth-century Japan*. London, Routledge.

Young, L. (1998). *Japan’s Total Empire: Manchuria and the Culture of Wartime Imperialism*. Berkeley, Los Angeles and London, University of California Press.

Статья поступила 02.05.2020.

Статья принята к публикации 08.05.2020.

Для цитирования: Никулин А.М. Аграрные идеологии фашизма среди альтернатив сельского развития 1920–1930-х годов// ЭКО. 2020. № 6. С. 171-192. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-6-171-192.

For citation: Nikulin, A.M. (2020). Agrarian Ideologies of Fascism Among Alternatives of Rural Development in 1920–1930. *ECO*. No. 6. Pp. 171-192. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-6-171-192.

Summary

Nikulin, A.M., Cand. Sci. (Econ.), Centre for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Director of the Chayanov Research Center; Moscow School of Social and Economic Sciences, Moscow

Agrarian Ideologies of Fascism Among Alternatives of Rural Development in 1920–1930

Abstract. For the global rural development, the 1920–1930s were a period of search for ways to modernize agriculture on basis of such ideologies as democratic European agrarianism, American and Soviet agrarian industrialism, and also authoritarian rural nationalism in the countries in which the Nazis won. The paper presents an overview of features of these agricultural alternatives and identifies milestones in the rise and decline of the left ideology developed and supported by the Soviet Peasant International. The author focuses on analysis of the rise and expansion of extreme right agrarian ideologies in fascist Italy, Nazi Germany and the Manzhou-go state, and describes general and specific features of fascist agrarian ideologies that managed to paradoxically incorporate elements of democratic cooperative movement, state capitalism and even socialist collectivism into the foundations of their nationalistic conservative policies. The author concludes that, despite short-term relative successes of fascist agrarian policy in the 1930s, the fascist leaders did not bring the promised prosperity to the peasants. On the contrary, fascist ideologists deceived them with programs for mobilization of national resources for the benefit of rural development, because fascist governments redirected the results of this mobilization to militarization of national economies which was followed by the outbreak of World War II that brought so many disasters to the peasantry.

Keywords: *agrarian ideology; agrarian policy; development alternatives; Peasant international; fascist Italy; Nazi Germany; Manzhou guo*